А. В. Провоторов

ТВОРЧЕСКИЙ ДИАЛОГ АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА И МИХАИЛА ПРИШВИНА

Работа представлена кафедрой историко-культурного наследия Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н. В. Борисова

В статье рассматриваются отношения двух писателей начала XX в. – Алексея Ремизова и Михаила Пришвина. Автор, опираясь на дневниковые записи Михаила Пришвина, обращает внимание на мировоззренческую и духовную близость двух крупных художников русской литературы, прослеживает причины неоднозначного, но вместе с тем справедливого отношения Пришвина к своему учителю А. М. Ремизову, диалог с которым продолжался на протяжении всего творческого пути Пришвина.

Ключевые слова: *диалог, символизм, модернизм, мифологическое восприятие мира, пантеизм.*

A. Provotorov

CREATIVE DIALOGUE OF ALEKSEY REMIZOV AND MIKHAIL PRISHVIN

The article is devoted to the relations of Aleksey Remizov and Mikhail Prishvin, the two writers of the beginning of the 20th century. Basing on Mikhail Prishvin's diary, the author pays attention to the spiritual affinity of the two great artists of Russian literature, traces the reasons for Prishvin's ambiguous, but at the same time fair relation to his teacher A. M. Remizov, with whom he was dialoguing for all his creative life. The analysis of the general motives and methods makes it possible to consider Remizov and Prishvin as writers who are special and sensitive to secrets of the national spirit.

Key words: *dialogue, symbolism, modernism, mythological perception of the world, pantheism.*

Михаил Пришвин познакомился с Алексеем Ремизовым в 1907 г. и на протяжении всей жизни чувствовал острую близость к Ремизову, человеку и художнику, справедливо признавая его своим учителем. Именно А. М. Ремизов помог Пришвину войти в литературу, оказывал ему всяческую поддержку, ввел в тогдашний литературный круг. В 1910-е гг. Пришвин даже написал несколько рассказов «под Ремизова»: «Крутоярский зверь», «Бабья лужа», «Птичье кладбище». Эти произведения Ремизов высоко ценил, выделяя при этом особо рассказ «Крутоярский зверь».

Общение писателей продолжалось вплоть до 1921 г., когда Ремизов покинул Россию и уже за границей продолжал следить за жизнью и творчеством ученика, тепло отзываясь о Пришвине: «А как не восчувствовать и не полюбить Пришвина и всякому, для кого дороги и близки эти кусты, пеньки, овражки, лыки, кочки, хохолки – вся необъятная, бедноватая, в чем- то печальная русская природа. Пришвин нашел для нее слово – гремящее, как лесной ключ, сверкающее как озимые росы. Повторяя за ним это слово, видишь и чувствуешь живую русскую землю…» «Я счастлив, что встретился с вами, – скажу я, – и на мою долю выпала честь направить вашу руку в трудной работе над словом» [2, с. 143, 144]. Пришвин, в свою очередь, в неспокойные сороковые годы называл себя учеником и последователем Ремизова, что было не только большой редкостью для того времени, но и проявлением смелости и немалого мужества (творчество Ремизова в советский период находилось, мягко говоря, в опале).

Однако отношение Пришвина к Ремизову все же было не столь однозначным, что

естественно для двух творческих личностей: в дневниках Пришвина наряду с позитивными, иногда восторженными записями, характеризующими Ремизова, встречаются и резкие, можно сказать, негативные. Такая полярность в отношении Пришвина к Ремизову дала исследователям повод обозначить взаимоотношения писателей как «дружеские и конкурентные» [12, с. 459]. Но тем не менее думается, что «ищущий» (как называли Пришвина в кругу Мережковских) свой путь в литературе писатель сам понимал и воспринимал свои отношения с Ремизовым несколько глубже, не опускаясь до «конкурентности» и желания превзойти учителя, что можно заметить в его отношениях, например, с В. В. Розановым.

Вступая на литературное поприще уже достаточно зрелым и сложившимся человеком, Пришвин пытался разобраться, найти свое собственное место в русской литературе эпохи модернизма. На страницах его дневника мелькают имена многих крупных деятелей литературы XX в.: Мережковский, Блок, Горький, Сологуб, Гиппиус, Розанов и многие др. Среди них особое место принадлежит А. М. Ремизову. Пришвин понимает и осознает оригинальное своеобразие Ремизова как писателя, его «непохожесть», а главное – то чувство «прароссианства», любовь к архаике, сказке, мифу, которое так выделяло Ремизова среди других художников начала века. Собственно этот интерес к фольклору и мифологическому восприятию мира сближал писателей: «И Пришвин, и Ремизов в мифолого-сказочном моделировании мира видели “онтологическую, сущностную правду” о бытии» [2, с. 140]. В записи от 31 марта 1920 г. он подчеркивает: «Ремизов чрезвычайно оригинальный писатель, он единственный русский писатель-патриот; это слово – патриотизм – без чувства пошлости можно соединить с именем единственного писателя Ремизова» [5, с. 45]. Пришвин отмечал неоднократно, что Ремизов чувствует Россию, ее народ, не скатываясь и не опускаясь до шовинизма и примитивного национализма: «Я помню случайные сочинения, например Родионова “Наше преступление”, – в них также есть это чувство боли за Россию, но эта боль выходит в мрак, в публицистику черносотенца, Ремизов всегда остается чистым в грязи…» [5, с. 45]. Именно поэтому Ремизов еще и «единственный писатель» для Пришвина. Следует подчеркнуть, что и сам Пришвин в своем творчестве на протяжении всей жизни искал «собственную правду», не отделяя себя от своего народа, ему важно было прийти самому и привести своего друга-читателя к глубинным основам национального самосознания, к основам народной веры, религии.

Мировоззренческая и духовная близость к Ремизову всегда осознавалась и ценилась Пришвиным. Так, рассуждая о литературе и ее связях с народным творчеством, Пришвин утверждает, что «народная словесность коренится не потребностями эстетического наслаждения, а потребностями веры» [5, с. 48]. Пришвин сам был, что называется, из народа и понимал его очень хорошо, чего нельзя было сказать о некоторых представителях модернистской интеллигенции: «Пришвин, потомок “радостного лавочника”, воспитанный мужиками в Хрущево, отчетливо понимает, что ему не по пути с интеллигенцией, которая “летает под звездами с завязанными глазами”»: «Как хорошо… Угадали Мережковского… Вслед за ними и я думаю: он иностранец, ему не понять русского народа» [2, с. 130] . О Ремизове Пришвин утвердительно говорит: «Ремизов – христианин», тогда как «Городецкий, Бальмонт – язычники, Клюев – сектант» [5, с. 48].

В начале творческого пути Пришвин был близок пантеизму. По утверждению Иванова-Разумника, его творчество служило языческому божеству, Великому Пану, Природе. Но в том-то и есть, наверное, уникальность писателя, что в его творчестве христианская православная традиция никогда не переставала существовать, уживаясь мирно с модернистской, например, традицией. Народное двоеверие, так глубоко прочувствованное Пришвиным в его путешествии на Русский Север и отраженное в ранних очерках, обоснованно вписывается в христианскую картину мира.

Однако обращаясь к размышлениям о связи Ремизова с народной религией и фольклором, Пришвин все же отмечает: «Ремизов всегда страдал недостатком материалов, ему Россия казалась заповедной страной, в которую ему нет входа, и так он пользовался архивами – почему это так?» [5, с. 104]. Ремизов пытался найти некую народную правду, отделяя самого себя от этой правды, тогда как Пришвин всегда чувствовал себя единой частью с этой правдой: «Ремизов относился к сказочному материалу, как к ценнейшему кладу. В сказках, легендах, апокрифах он, по собственному признанию, искал «правду и мудрость – русскую народную правду и русскую народную мудрость» [11, с. 169]. Методы познания народной жизни у учителя и ученика были разными. Пришвин некоторое время спустя ответит на вопрос, который он задавал самому себе о Ремизове: писатели, с которыми ему довелось начинать в литературе, утратили связь с действительной русской жизнью. С сожалением он записывает в 1921 г.: «27 июня. Последние русские символисты, даже те, которые брали материалы из русской этнографии и археологии (Ремизов), лишились восприятия действительной жизни и страшно мучились этим (В. Иванов, Ремизов). Непосредственно чувство жизни своего (страстно любимого) народа совершенно их покинуло» [5, с. 189]. Чувствуя эту разобщенность «русских символистов» с собственным народом, Пришвин вместе с тем осознает и свою несовместимость с кругом писателей, с которыми он был близок: «И всегда символисты меня этим раздражали, и был я с ними потому, что натуралисты-народники мне еще дальше» [5, с. 189]. Пришвин не мог и не хотел оставаться безучастным к жизни, а уж тем более осознавать жизнь чем-то второстепенным по отношению к искусству. Жизнь с ее сложностями и противоречиями, с ее трагизмом и радостями «звала к себе», требовала творческого внимания: «31 июля. Мне помнится в начале моих литературных занятий, когда Ремизов брал материалы у Розановского для своей повести “Неуемный бубен”, и мы поздно ночью шли с ним домой, он сказал мне что-то вроде этого: “Вы говорите о жизни, но ведь там нет ничего, все мы делаем” Помню, каким ужасом повеяло мне от этих слов, и как смутно стало на душе, и даже злобно к кому-то» [7, с. 205].

Тем не менее Пришвин воспринимает Ремизова как истинного, внимательного к русским противоречиям писателя, основателя собственной литературной школы: «Из новых в художественной прозе я читал кое-что и говорить утвердительно ничего не могу, но мне кажется характерным явлением в прозе нашего времени усвоение письма А. Ремизова, исходящего от Лескова» [5, с. 263].

Начало творческой деятельности Пришвина пришлось, по его же словам, на эпоху «революционную для литературы» – эпоху модернизма, «несправедливо окрещенной словом «декадентство». И эта революция в литературе вела, по мнению Пришвина, к революционной «европеизации». Ремизов у Пришвина предстает антагонистом модернисткой школы именно своей «русскостью». Не случайно в дневнике появляется следующая запись: «Немудрено, что теперь пошла Ремизовская школа, и когда скажешь так – всякий понимает. Каждый удивляется, если сказать: школа Леонида Андреева, Мережковского, а Ремизовская школа – всякий поймет, есть такая школа Лескова-Ремизова». Ремизов для Пришвина, и это главное, является хранителем и продолжатем лучших традиций русской литературы. В 1927 г. он записал: «Столбовую задачу Ремизова я бы теперь охарактеризовал как охрану русского литературного искусства от нарочито мистических религиозно-философских посягательств на него со стороны кружка Мережковского» [3, с. 67].

Ремизов представлялся Пришвину большим и самобытным явлением в русской литературе, однако его последователи иногда не «вписывались в ремизовскую самобытность»; уже после эмиграции Ремизова Пришвин отметит в дневнике: «Почему посев Ремизова дает такие дурные всходы, почему у него переняли только манеру (довольно дурную), а все его святое (возрождение России) осталось втуне?» [5, с. 10].

Пришвин, переболев «ремизовской корью», не без помощи учителя нашел свой стиль, который позволил ему занять собственное место в русской литературе: «Ремизов не своим писательством, а своей личностью сделался единственным моим другом в литературе, хранителем моей земной простоты» [3, с. 67]. Освободясь от влияния прозы и языка Ремизова, Пришвин тем не менее всегда чувствовал и осознавал свое духовное, идейное с ним родство: «В Петербурге среди писателей было трое совершенно “русских”: Розанов, Ремизов и Пришвин» (21.04.1927). Русские – здесь прежде всего по духу, самоопределению и служению своей особой миссии в литературе.

А. М. Ремизов очень высоко ценил творчество М. М. Пришвина, неоднократно подчеркивая его самобытность. Исследователь творчества Пришвина Ю. Розанов, анализируя взаимоотношения писателей, отмечал, что в ремизовских произведениях «Пришвин более всего похож на какой-то сказочный персонаж и в качестве такового наделен исключительно положительной семантикой» [10, с. 71]. Ремизов и Пришвин стоят в одном ряду русских писателей, внимательных к глубинным основам русского бытия, к тем тайнам национального духа, которые определяют не только прошлое, но и настоящее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белозерцев Е. П.*, *Борисова Н. В.* М. Пришвин – просветитель // Михаил Пришвин: актуальные вопросы изучения творческого наследия, Елец. 2002. 292 с.

2. *Борисова Н. В.* М. Пришвин: Диалоги с эпохой. Культурологический словарь. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2007. 181 с.

3. Воспоминания о Михаиле Пришвине, М., 1991.

4. *Пришвин М.* Дневники. 1914–1917. М.: Московский рабочий, 1991. 608 с.

5. *Пришвин М.* Дневники. 1920–1922. М.: Московский рабочий, 1995. 334 с.

6. *Пришвин М.* Дневники. 1923–1925. М.: Русская книга, 1999.

7. *Пришвин М.* Дневники. 1926–1927. М.: Русская книга, 2003. 588 с.

8. *Пришвин М. М.* Ранний дневник 1905–1913. СПб.: Росток, 2007. 796 с.

9. *Ремизов А. М.* М. М. Пришвин // Личное дело Михаила Михайловича Пришвина: Воспоминания современников. СПб.: Росток, 2005. 528 с.

10. *Розанов Ю.* Пришвинский миф Алексея Ремизова // Вопросы литературы. 2004. Вып. 1. С. 70–83.

11. *Холодова З. Я.* Художественное мышление М. М. Пришвина. Содержание, структура, контекст. Иваново, 2000. 295 с.

12. *Эткинд А.* Хлыст (Секты, литература и революция). М.: Новое литературное обозрение, 1995. 688 с.

REFERENCES

1. *Belozertsev E. P., Borisova N. V.* M. Prishvin – prosvetitel' // Mikhail Prishvin: aktual'nye voprosy izucheniya tvorcheskogo naslediya. Elets, 2002. 292 s.

2. *Borisova N. V.* M. Prishvin: Dialogi s epokhoy. Kul'turologicheskiy slovar'. Yelets: EGU im. I. A. Bunina, 2007. 181 s.

3. Vospominaniya o Mikhaile Prishvine, M., 1991.

4. *Prishvin M.* Dnevniki. 1914–1917. M.: Moskovskiy rabochiy, 1991. 608 s.

5. *Prishvin M.* Dnevniki. 1920–1922. M.: Moskovskiy rabochiy, 1995. 334 s.

6. *Prishvin M.* Dnevniki. 1923–1925. M.: Russkaya kniga, 1999.

7. *Prishvin M.* Dnevniki. 1926–1927. M.: Russkaya kniga, 2003. 588 s.

8. *Prishvin M. M.* Ranniy dnevnik 1905–1913. SPb.: Rostok, 2007. 796 s.

9. *Remizov A. M.* M. M. Prishvin // Lichnoye delo Mikhaila Mikhaylovicha Prishvina: Vospominaniya sovremennikov. SPb.: Rostok, 2005. 528 s.

10. *Rozanov Yu.* Prishvinskiy mif Alekseya Remizova // Voprosy literatury. 2004. Vyp. 1. S. 70–83.

11. *Kholodova Z. Ya*. Khudozhestvennoye myshleniye M. M. Prishvina. Soderzhaniye, struktura, kontekst. Ivanovo, 2000. 295 s.

12. *Etkind A*. Khlyst (Sekty, literatura i revolyutsiya). M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 1995. 688 s.